

Ирано-израильский конфликт как индикатор кризиса новой многополярности Комментарий эксперта, 06.08.2025

Норайр А. Дунамалян¹

Введение: первый кризис нового порядка

Июнь 2025 года стал водоразделом для постоднопольярного мира. Война между Ираном и Израилем, длившаяся всего 12 дней, стала не просто очередной вспышкой насилия на Ближнем Востоке, но и первым геополитическим кризисом в условиях заявленной после 2022 г. эры многополярности. Даже учитывая специфику «войны на расстоянии» и большое преимущество Израиля над Ираном, более значимым кажется геополитический контекст, который якобы строился вокруг изоляции США и укрепления позиций России и Китая, однако показал несостоятельность аргументов в пользу многополярности. Точнее, была продемонстрирована совсем иная тенденция построения миропорядка, фиксирующая рост влияния средних держав как главных бенефициаров многополярности. Конфликт вскрыл стратегические слабости и институциональные иллюзии нового мирового порядка.

После 2022 года политический дискурс наполнился обещаниями «конца Запада», «победы глобального большинства» и «диверсификации центров силы». Именно российско-украинский конфликт стал катализатором разрушения многих структур региональной безопасности, способствовавших дальнейшей агрессии Азербайджана и этнической чистки в Нагорном Карабахе, ослаблению поддержки сирийского режима и разрастанию зоны конфликтов. В то же время ирано-израильский конфликт развернулся уже в условиях оформляющейся многополярности, продемонстрировав основные недостатки идеи нового миропорядка.

На фоне обострения международной ситуации ни одна из альтернативных Западу держав не проявила субъектности. Вместо зрелой многополярности мы увидели рассогласованность, страх перед рисками и институциональную пустоту. Ирано-израильская война стала первым крупным стресс-тестом для новой системы, и этот тест она провалила. С другой стороны, «коллективный Запад» укрепил свою репутацию, исходя из общих позиций, однако инициатором консолидации впервые за много лет стали не США, а средняя держава – Израиль.

Переход от прокси-войны к открытой конфронтации

Конфронтация между Ираном и Израилем развивалась постепенно: от теневых операций к прямому столкновению. После убийства генерала Сулеймани в январе 2020 г. и с конца 2023 года Израиль расширял кампанию против иранского присутствия в Леванте и стремился уничтожить т. н. «Ось сопротивления», формируя свои собственные прокси-силы, которые явным образом проявили себя уже после

¹ Кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Российско-Армянского (Славянского) университета. Автор более 15 научных работ и статей.

июньской войны с Ираном (можно отметить рост фактора Азербайджана, поддержку курдов в Иране и друзов в Сирии).

В течение 12 дней мир наблюдал за тем, как две державы вели войну без посредников, нарушая прежние правила геополитического сдерживания. Кроме того, сама логика военных действий совмещала старые и новые схемы: с одной стороны, это был конвенциональный конфликт между двумя государствами, с другой – отсутствие прямого контакта между сухопутными силами двух стран показал пример качественно новой тактики ведения боевых действий. Казалось, что возрождение конвенциональных войн произошло в 2020 г. в ходе Второй карабахской войны, а затем и в ходе военных действий на Украине, однако война между Израилем и Ираном показала новый подход к использованию военных действий как решения политических вопросов. До последнего момента такое могли себе позволить лишь сверхдержавы, которые пытались влиять на поведение тех или иных государств, но сегодня средние державы также могут использовать тот же инструментарий, что и, например, США во время операций в Афганистане и вторжения в Ирак. Действия Израиля не были связаны с территориальной экспансией, но были направлены на нейтрализацию ядерной программы Ирана и, как план-максимум, смену власти. Конечно, такое поведение Израиля не стало новшеством (вспомним операцию «Опера» против Ирака), но контекст современных международных отношений придает этим событиям совсем иное звучание.

Иными словами, грань между прокси-войнами и открытой конфронтацией постепенно стирается, а цели военных действий средних держав начинают выходить за рамки территориальных конфликтов. Этот аспект можно отметить, не только в случае с Израилем, но и средних держав Азии, Африки и Латинской Америки. Ирано-израильская война стал сигналом не только о военной эскалации, но и о кризисе прежней модели конфликтов, в которой глобальные игроки предпочитали действовать через доверенных агентов. Открытые удары показали: международные гарантии ослабли, страх перед последствиями снизился, и пространство для риска расширилось. Это, впрочем, можно увидеть на примере территориального конфликта между Таиландом и Камбоджей, который разгорелся с более высокой интенсивностью, несмотря на давние «решения» споров Международным судом ООН.

Реакция на конфликт: стратегическое молчание Не-Запада

В ходе обмена ракетными ударами между Израилем и Ираном наиболее выразительным стало не само столкновение, а реакция на него. Запад, как и прежде, действовал быстро, технично и слаженно. США и Великобритания обеспечили Израиль разведданными, средствами ПВО, а также дипломатическим прикрытием. Франция и Германия подтвердили союзническую солидарность, а Кипр предоставил базы для размещения ВВС. Коллективный Запад и его союзники продемонстрировали работу действующего механизма коллективной безопасности, оказав комплексную поддержку Израилю.

На этом фоне странным образом выглядела инертность остальных центров силы. Китай, несмотря на стратегическое партнерство с Ираном и зависимость от его нефти,

ограничился заявлениями об «осуждении» действий Израиля и «деэскалации». Индия, в свою очередь, не присоединилась к заявлению ШОС об осуждении и сохранила нейтральность. Даже Россия, активно вовлеченная в ближневосточную политику и заключившая договор о стратегическом партнерстве с Ираном в военной сфере, воздержалась от каких-либо действенных шагов. Ни одно из этих государств не оказало союзнической поддержки Ирану и не задействовало механизмов давления на Израиль, что вновь продемонстрировало несостоятельность антизападной модели многополярности. Как следствие, незападные державы могут заявлять о многополярности, но не готовы поддерживать ее институционально или политически. Модель, в которой ни одна из этих стран не берет на себя ответственность, не является альтернативой Западу, а углубляет геополитический вакуум, не предлагая иной системы международного взаимодействия.

Миф о перераспределении силы: ресурсы без субъектности

В последние годы тезис о смене глобального центра силы казался убедительным: Китай доминировал в промышленности и мировом производстве; Индия росла демографически и экономически; Россия смогла преодолеть экономический кризис в условиях войны; страны БРИКС демонстрировали внушительные экономические амбиции, претендуя на создание альтернативной глобальной экономической системы. Однако реальность 2020-х годов выявила не классическую смену гегемона, а формирование более сложной и фрагментированной модели мирового устройства, которую исследователи все чаще называют ограниченной или цифровой многополярностью.

Ограниченная многополярность [отражает](#) ситуацию, при которой крупные региональные и глобальные игроки обладают лишь частичным суверенитетом в принятии решений и ограниченными возможностями по проецированию силы за пределами своих сфер влияния. Например, Китай, Россия или Индия могут доминировать в разных регионах Евразии и ряде развивающихся стран, но они будут не в силах предложить универсальную идеологию или политическую модель, привлекательную для всего мира. США же утратят способность навязывать глобальную повестку без существенных издержек. Иными словами, США снимет с себя бремя обеспечения безопасности других государств, которым останется находить компромиссы с учетом интересов друг друга. На этом фоне Вашингтону такая ситуация может быть более выгодной, поскольку тот получит больше пространства для маневра, сохраняя свои политические и экономические преимущества.

Параллельно развивается феномен [цифровой многополярности](#), при которой конкуренция между державами все больше сосредотачивается в виртуальной и технологической плоскости. Речь идет не только о борьбе за контроль над данными, цифровыми платформами и искусственным интеллектом, но и о создании замкнутых технологических экосистем. Китай продвигает свою цифровую модель через инициативы типа «Цифрового шелкового пути», США и ЕС формируют собственные нормативные рамки для Big Tech, а Россия и ряд стран БРИКС развивают идею цифрового суверенитета. Это приводит к фрагментации киберпространства,

дублированию инфраструктур (таких как «Один пояс – один путь» и «Средний коридор») и росту цифрового протекционизма.

Таким образом, новая глобальная реальность – это не классическая многополярность, где несколько равных центров власти конкурируют по всем направлениям, а асимметричная, фрагментированная система, в которой государства доминируют в отдельных секторах (геополитическом, цифровом, технологическом, культурном), но не обладают универсальной гегемонией. Эта ситуация создает больше неопределенности и нестабильности, чем устойчивости, делая международные конфликты – как традиционные, так и гибридные – все более вероятными. Вместе с этим возникает больше пространства для маневра средних держав и малых стран, которые могут компенсировать свою уязвимость развитием технологий и поиском оптимальных форматов сотрудничества на мировой арене.

Многие исследователи уже отказываются от использования термина «многополярность», отмечая одновременное пересечение всех исторических форм миропорядка. Крупные державы могут использовать инструментарий жесткой силы с точки зрения построения новой гегемонии в том или ином регионе, однако современные реалии все больше связывают внутреннюю и внешнюю политику, препятствуя длительным военным конфликтам. С другой стороны, потенциал сторон и их влияние на международные процессы не может определяться одним или двумя показателями. Важнейшим аспектом остается структурное взаимодействие внутренних (демография, экономика, стабильность, идеология) и внешних факторов (союзнические отношения, геополитическая ориентация, культурное влияние). В этом контексте крупные незападные державы, обладая значительным потенциалом, все еще демонстрируют дефицит полноценной субъектности. Это выражается в отсутствии устойчивых институтов коллективной безопасности, слабой оперативности в реагировании на кризисы и ограниченной способности транслировать универсальные нормы и ценности.

Иными словами, они пока неспособны выполнять функции системных стабилизаторов или архитекторов альтернативного порядка, оставаясь преимущественно региональными центрами силы. Запад же, несмотря на словесные конфликты между Турцией и Израилем или трениях между США и ЕС, за последние годы утвердил свое присутствие на Ближнем Востоке, став главным бенефициаром смены власти в Сирии, вытеснения РФ из Южного Кавказа и нейтрализации «Оси сопротивления» во главе с Ираном.

БРИКС, ШОС и иллюзия альтернативы

На фоне июньского конфликта особенно отчетливо проявилась институциональная бессодержательность организаций, претендующих на роль альтернативы западным структурам глобального управления. Такие объединения, как БРИКС и ШОС, несмотря на расширение, громкие саммиты и риторику «глобального большинства», показали неспособность к координации действий в условиях кризиса. Ни одна из стран-участниц не обозначила четкой политической позиции, не говоря уже о выдвигании санкционных или оборонных мер. Отдельно стоит отметить

специфическое отношение России, Китая и других незападных стран к Ирану, который воспринимается как сложный и стратегически слабый партнер, отношения с которым нужно выстраивать весьма осторожно.

При всей декларативной антизападной направленности, БРИКС и ШОС не обладают ни внутренней институциональной связностью, ни механизмами кризисного реагирования. Они функционируют преимущественно как дискуссионные платформы, а не политически дееспособные структуры. Что касается ШОС, то многие страны-участники этой организации из Центральной Азии переживают рост влияния западных ценностей. Это указывает на ключевую проблему: наличие ресурса (экономического, демографического, геополитического) не тождественно наличию субъектности и стратегической ответственности.

Поведение российских элит в этом контексте наиболее ярко демонстрирует проблему дефицита стратегического видения. За время военных действий на Украине Россия утратила контроль в Сирии, столкнулась с постоянными кризисами отношений на Южном Кавказе и наблюдала за попытками нейтрализации Ирана.

Заключение: кризис как зеркало мирового порядка

Современная многополярность часто представляется как справедливая альтернатива мировой гегемонии Запада. Однако в условиях отсутствия механизмов коллективной ответственности, устойчивых союзов, санкционных инструментов и гарантий безопасности, такая система не способна поддерживать устойчивый порядок. Она производит не институциональную конкуренцию, а геополитическую фрагментацию, в которой каждая страна действует изолированно, без стратегического видения глобального взаимодействия. Можно сказать, что международные отношения в их современной логике откатились к форматам XV–XVI вв., когда средние или даже малые державы (например, Нидерланды, Венецианская республика или Швеция) могли оказывать большое влияние на международные отношения наравне с империями. Тенденция постепенного отказа от универсальных норм также способствует фрагментарности международных отношений.

На этом фоне единственным актором, способным к согласованным действиям в условиях кризиса, остается Запад и его союзники. Ирано-израильский конфликт подтвердил это: западные державы продемонстрировали политическую субъектность, оперативность, согласованность и институциональную устойчивость. Остальные участники международной системы – несмотря на ресурсы и амбиции – не выступили как организованные субъекты, способные влиять на ход событий.

Это не означает реставрации однополярного мира, но выявляет несостоятельность текущей конфигурации многополярности как системы управления глобальными рисками. Пока что альтернатива западной гегемонии не сопровождается институциональной зрелостью, страны, претендующие на высокую автономию, не в состоянии обеспечить ни порядок, ни безопасность, ни политическую легитимность новой системы.